

Никитина Т. Г. Звуки природы и звучание речи в ассоциативных механизмах фразеомообразования / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва, Ю. А. Тимофеева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 183—201. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-183-201.

Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I., Timofeeva, Yu. A. (2023). Sounds of Nature and Sound of Speech in Associative Mechanisms of Phrase Formation. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 183-201. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-183-201. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-183-201

Звуки природы и звучание речи в ассоциативных механизмах фразеомообразования

Никитина Татьяна Геннадьевна *

orcid.org/0000-0001-9006-9738

доктор филологических наук,
профессор,

кафедра образовательных технологий

**корреспондирующий автор*

cambala2007@yandex.ru

Роголёва Елена Ивановна

orcid.org/0000-0001-9963-4203

доктор филологических наук,
профессор,

кафедра образовательных технологий

cambala2010@list.ru

Тимофеева Юлия Александровна

orcid.org/0000-0003-3592-7220

аспирант,

кафедра образовательных технологий

k-o-t-2021@yandex.ru

Псковский
государственный университет
(Псков, Россия)

Sounds of Nature and Sound of Speech in Associative Mechanisms of Phrase Formation

Tatiana G. Nikitina *

orcid.org/0000-0001-9006-9738

Doctor of Philology, Professor,
Department of Educational Technologies,

**Corresponding author*

cambala2007@yandex.ru

Elena I. Rogaleva

orcid.org/0000-0001-9963-4203

Doctor of Philology, Professor,
Department of Educational Technologies
cambala2010@list.ru

Yulia A. Timofeeva

orcid.org/0000-0003-3592-7220

Graduate Student,
Department of Educational Technologies
k-o-t-2021@yandex.ru

Pskov State University
(Pskov, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются звукоизобразительные механизмы фразеоморфизма, которые не описаны в фоносемантическом и лингвокультурологическом аспектах. Исследование проводится на материале компаративных фразеологизмов (образных сравнений), отображающих звучание речи. В соответствии с поставленной целью выявляются их мотивационные модели и разрабатываются приемы словарной репрезентации. Для достижения цели используются методы фоносемантического, компонентного, лингвокультурологического анализа, приемы структурно-семантического моделирования и лексикографического конструирования. Установлено, что большинство звукоизобразительных компаративных фразеологизмов базируется на ассоциациях, которые связывают акустические характеристики речи со звуками животного мира — голосами птиц и млекопитающих. Выявлены модели метафорического переноса и наиболее продуктивные зоолексемы, участвующие в актах образования фразеологизмов данной сферы. Определены актуальные для слушающего параметры оценки звучащей речи и аксиологическая направленность соответствующих образных сравнений. Показаны возможности репрезентации звукоизобразительных компаративных фразеологизмов в словаре тезаурусного типа с алфавитно-стержневым расположением материала и в учебном словаре дискурсивного типа, реализующем авторские методики лингвокультурологического комментирования и этимологического парафразирования. Результаты исследования будут полезны при разработке теоретических проблем фразеоморфизма, могут использоваться в практике академической и учебной лексикографии.

Ключевые слова:

русский язык; фразеология; лингвокультурология; фоносемантика; лексикография; компаративный фразеологизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the sound-visual mechanisms of phrase formation, which are not described in the phonosemantic and linguoculturological aspects. The study is conducted on the material of comparative phraseological units (figurative comparisons) that reflect the sound of speech. In accordance with the goal, their motivational models are revealed and methods of vocabulary representation are developed. To achieve the goal, methods of phonosemantic, component, linguoculturological analysis, methods of structural-semantic modeling and lexicographic design are used. It has been established that most of the sound-visual comparative phraseological units are based on associations that connect the acoustic characteristics of speech with the sounds of the animal world — the voices of birds and mammals. The models of metaphorical transfer and the most productive zoolexemes involved in the acts of formation of phraseological units in this sphere are revealed. The parameters of assessment of sounding speech relevant for the listener and the axiological orientation of the corresponding figurative comparisons are determined. The possibilities of representation of sound-visual comparative phraseological units in the thesaurus-type dictionary with the alphabetic-rod arrangement of the material and in the educational discursive-type dictionary, which implements the author's methods of linguoculturological commenting and etymological paraphrasing, are shown. The results of the study will be useful in the development of theoretical problems of phrase formation, and can be used in the practice of academic and educational lexicography.

Key words:

Russian; phraseology; linguoculturology; phonosemantics; lexicography; comparative phraseology.

Звуки природы и звучание речи в ассоциативных механизмах фразеомообразования

© Никитина Т. Г., Роголёва Е. И., Тимофеева Ю. А., 2023

1. Введение = Introduction

Проблемы связи звука и смысла в последние десятилетия активно изучаются в рамках фоносемантики — интегративного научного направления, использующего методы фонологии и этимологии, когнитивной лингвистики и психолингвистики, акустики и нейробиологии [Фоносемантика..., 2022, с. 7—17]. Наряду с глобальными задачами исследования онто- и филогенетической эволюции языка, роли звукоизобразительности¹ в его происхождении здесь рассматриваются и более частные вопросы: разграничение звукоподражания и звукосимволизма² [Bankieris et al., 2015; Аскари, 2019], способы звукоизобразительного словосоздания [Желтов и др., 2022; Флакман, 2022], особенности восприятия и декодирования слов, построенных на звукоизобразительности [Arguani et al., 2018; Sidhu et al., 2020], реализация смысло-звуковых ассоциаций на уровне текста разных жанров и разных эпох [Zheltova et al., 2019; Маринченко и др., 2020]. Исследователями, работающими на стыке фоносемантики и лингводидактики, доказано, что звукоизобразительность способствует развитию речи в младенчестве и освоению лексики иностранного языка при его изучении [Lockwood et al., 2016; Sound symbolism ... 2015; Фоносемантика..., 2022, с. 114—121].

В языковом материале, подвергающемся фоносемантическому анализу, всегда присутствуют лексические единицы, отображающие звучание человеческой речи, а фразеологизмы этой тематической группы, к сожалению, не попадают в поле зрения исследователей, хотя прозрачная внутренняя форма таких единиц может стать ценным источником информации при изучении когнитивных механизмов языковой концептуализации звуков мира природы и звуков антропогенного характера.

Этнокультурная обусловленность этих процессов находит отражение в лингвокультурологических исследованиях звуковой (акустической, фоно-

1 Под звукоизобразительностью понимается конгруэнтность звука и значения на уровне словосоздания и шире — любые устойчивые смысло-звуковые ассоциации, в том числе на уровне текста [Фоносемантика..., 2022, с. 11].

2 Звукосимволизм — способ имитации при словосоздании, не основанный на акустическом сходстве [Фоносемантика..., 2022, с. 12].

семантической) картины мира [Мамытова, 2019; Шляхова и др., 2016]. Но и здесь русский фразеологический материал привлекается эпизодически, зачастую как фон для рассмотрения иноязычных идиом со звукоподражательным компонентом [Алиева, 2015; Чибышева, 2021]. Между тем лингвокультурологический анализ русских звукоизобразительных фразеологических единиц (ФЕ), объективирующих такой фрагмент звуковой картины мира, как акустика человеческой речи, позволит выявить не только мотивировочный признак, но и обоснование его выбора языковым сознанием в акте фразеомообразования. При этом появятся новые данные об оценочном восприятии человеком звуков природы и звучания речи в их ассоциативной взаимосвязи. Решение этих новых задач будет развитием положений об этнокультурной специфике фразеомообразования и аксиологических параметрах этого процесса, сформулированных нами в предшествующих работах [Mokienko et al., 2021; Мокиенко и др. 2021; Мокиенко и др. 2022].

Единичные ФЕ со звукоизобразительной внутренней формой разработаны в специализированных фоносемантических словарях наряду с лексическими единицами [Флакман, 2016; Шляхова, 2004]. Авторы этих словарей, раскрывая связь звука и смысла на фразеомообразовательном уровне, не ставят задачу комплексной лексикографической интерпретации фоносемантически маркированного фразеологического образа в историко-этимологическом, социокультурологическом, лингвоаксиологическом аспектах. Модель такой репрезентации материала, разработанная нами для словарей народной фразеологии [БСРНС, 2007; Мокиенко и др., 2018], позволит представить фразеомообразовательные механизмы, реализующие звуковые ассоциации, в их многообразии и этнокультурной обусловленности. Инновационной в плане лексикографической репрезентации будет и разработка фразеологизмов, отображающих звучание речи и звуки природы, в учебных словарях, что будет развитием идей нашей концепции учебной фразеогрфии [Никитина, 2016; Никитина, 2021a; Никитина, 2021b]. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена интересом современной лингвистической науки к проблемам звукоизобразительности и определяется фоносемантическим своеобразием звукоизобразительных ФЕ, их высоким лингвокультурологическим и аксиологическим потенциалом, требующим адекватной лексикографической репрезентации.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данного исследования — выявление мотивационных моделей звукоизобразительных фразеологизмов тематической сферы «Звучание речи» и разработка приемов их лексикографической репрезентации сквозь призму взаимодействия человека и природы, человека и человека.

Материалом для анализа послужили звукоизобразительные устойчивые сравнения — разряд фразеологизмов, оставшийся за пределами фоносемантических, лингвокогнитивных, лингвокультурологических исследований лексико-фразеологических средств, репрезентирующих говорение на русском языке [Баженов, 2020; Шляхова и др., 2016, с. 141—149; Чибышева, 2019, с. 3899—3901]. Наш материал отобран в «Большом словаре русских народных сравнений» [БСРНС], где в количестве 45 тысяч единиц представлены обороты, зафиксированные в толковых словарях и словарях народных говоров, отразивших повседневную речь более чем 140 регионов и населенных пунктов России; сравнения, функционирующие в литературном языке и 30 разновидностях сленга, в художественной литературе и медиатексте. Терминологическое определение *устойчивые* применительно к сравнениям не вынесено в название словаря, а во «Вступительном слове» авторы поясняют свою позицию: в объект описания включены сравнительные обороты разной степени устойчивости, в том числе и те, которые некоторыми исследователями трактуются как речевые, но в силу своей экспрессивности, образности и структурно-семантической моделируемости (как основных признаков фразеологизма) могут быть признаны потенциальными фразеологизмами [БСРНС, с. 5—7]. Придерживаясь этой же точки зрения, для обозначения образных сравнительных оборотов в нашем исследовании мы будем использовать термин *компаративные фразеологические единицы* (КФЕ). Их структуру мы традиционно понимаем [Mokienko et al., 2021, с. 103] как двучленную: *трещать* (основание сравнения) как *сорока* (эталон, предмет сравнения); *щебетать* (основание сравнения) *соловьишкой* (предмет сравнения). При таком понимании за пределами этой языковой единицы остается переменный компонент логической структуры сравнения, а на уровне фразы — наименование носителя признака, который получает характеристику посредством сравнительного оборота, например, местоименное обозначение быстро говорящей, тараторящей женщины: (Она) *трещит как сорока*.

Методы фоносемантического и компонентного анализа в совокупности с приемами структурно-семантического моделирования позволили уточнить семантические характеристики отобранных КФЕ, выявить лингвокогнитивные основания их мотивировки, ассоциативно связывающей звуки природы и звучание речи; использование методик лингвокультурологического и лингвоаксиологического анализа подтвердило тесную связь звукоизобразительных КФЕ с категорией оценки и раскрыло образное воплощение аксиологических параметров восприятия звучащей речи и звуко сферы природы носителями русского языка. Результаты такого комплексного анализа КФЕ будут представлены в статье с использованием описательного метода

(приемы систематизации, обобщения, интерпретации), а также в лексико-графических форматах, при разработке которых использовались приемы лингвокультурологического комментирования и этимологического парафразирования, применяемые нами в практике фразеологии с учетом адресации словарей [Никитина и др., 2021б; Никитина и др., 2022].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Человек — природа — человек в образах фразеологизмов, отражающих акустическую сторону речи

Семантико-аксиологическая систематизация отобранных нами для исследования звукоизобразительных КФЕ, выполненная с учетом результатов их компонентного и контекстуального анализа, не принесла никаких неожиданностей и подтвердила выводы других исследователей о преобладании негативной оценочности у фразеологизмов, отражающих уровень громкости речи [Шляхова и др., 2016, с. 121—127; Чибышева, 2019, с. 3899—3900]: в нашем материале лишь 13 таких КФЕ из 140, то есть около 1 % одобительно характеризуют негромкую, благозвучную речь: *ворковать как голубок (голубки)* [БСРНС, с. 141], *щебетать как соловушка (соловушкой)* [БСРНС, с. 642] и др.

Во внутренней форме глагольных оснований сравнения *ворковать*, *щебетать* (о пении птиц) просматривается исходный звуковой комплекс как результат восприятия голоса птицы номинатором и объект имитации в акте словосоздания. На этом этапе подбор звуков речи по сходству со звуками природы (в данном случае — орнитосферы) квалифицируется как когнитивная метафора [Фоносемантика. ..., 2022, с. 24]. Второй уровень метафоризации на пути к образованию КФЕ — перенос значения звукоподражательных глаголов в сферу человеческой речи по сходству акустических впечатлений: *ворковать* — ‘мягко, нежно говорить друг с другом’ [БТС, с. 150], *щебетать* — ‘говорить быстро, звонко (о детях, женщинах)’ [БТС, с. 1509]. И, наконец, усиление экспрессии в акте фразеоморфологического эксплицирования достигается использованием образного стержня — наименования соответствующей птицы как эталонного источника звука. По этой же модели образованы КФЕ с диалектными звукоподражательными глаголами:

Гурчать как голубь с голубкой. *Брян.* О нежно беседующей паре влюбленных, супругов [БСРНС, с. 142]. (Звукоподражательный акустический комплекс *ГРУ* в фоносемантическом словаре С. С. Шляховой соотносится с польским *gruchać* «ворковать (о голубях)» [Шляхова, 2004, с. 76], что позволяет говорить о более широком ареале звуковой ассоциации, чем брянские говоры).

Чивардать как птички. *Кар. Шутл.-ирон.* О говорящих, болтающих без умолку девушках. < **Чивардать** — петь, чирикать (о птицах) [БСРНС, с. 547]. Ср. у С. С. Шляховой: *ЧИВ* — *звукоподр. акуст.* Звук, издаваемый птицами; чириканье, щебетание: *чивикать, чивирикать, чивкать* «чирикать» [Шляхова, 2004, с. 76].

Уровень громкости как акустический параметр звучания широко представлен оборотами, резко отрицательно оценивающими громкую речь (с переходом на крик). Ее метафорические эталоны народное сознание также находит в орнитосфере: это крики чаек, ворон, галок, петуха. Фразеологический образ и здесь создается с участием переосмысленных применительно к человеку звукоподражательных глаголов *каркать, раскаркаться, раскудахтаться* в сочетании с образными стержнями *ворона, курица, клушка*. В качестве основания образного сравнения диалектоносители используют и регионализмы, звукоизобразительный характер которых также очевиден: **Гаркать / загаркать как вороны.** *Новг. Презр.* О громко кричащих, бранящихся женщинах. **Граять как ворона.** *Кар. Неодобр.* О громко кричащем человеке [БСРНС, с. 117].

О негативной оценке высокого темпа речи наряду с повышенной громкостью свидетельствуют образные аналогии: **Затаракать как вороны.** *Пск.* О громко, быстро заговоривших (загалдевших) женщинах [БСРНС, с. 119]. **Расклохтаться как клушка.** *Морд. Пренебр.* Начать громко, быстро говорить [БСРНС, с. 262]. Звукоизобразительные единицы *тар, квох* в народной речи соотносятся с кудахтаньем курицы, *кар, кра* — с карканьем вороны [Шляхова, 2004, с. 91—96, 136], в нашем материале представлены их региональные фонетические варианты (*гар-, гра-, клох-*), свидетельствующие о разнообразии акустических впечатлений от звуков орнитосферы и ставшие производящей базой звукоподражательных глаголов в народных говорах.

Не столь разнообразны подвергшиеся первичной и вторичной метафоризации диалектные звукоизображения голосов млекопитающих (также ставшие глагольными компонентами КФЕ), отображающие громкую речь в различных ее эмотивно-прагматических нюансах:

Гамкать (гумкать) как собака *Пск., Брян.* Громко говорить, ругаться, браниться [БСРНС, с. 629]. **Разрыгаться как верблюд.** *Народн. Неодобр.* О громко кричащем что-л. человеке. < **Разрыгаться** — раскричаться горланым, рычащим голосом [СРНГ, т. 34, с. 67].

Обороты с переосмысленными общенародными глаголами *лаять* и *реветь* продолжают ряд зооморфных сравнений аналогичной аксиологической направленности с эталонными образами домашних и диких животных: **Реветь как бык [на бойне].** *Прост. Неодобр.* Об очень громко,

истошно кричащем человеке [БСРНС, с. 77]. **Реветь как корова.** *Смол.* О громком, грубом крике [БСРНС, с. 290]. **Реветь медведем.** *Народн.* О громко, басом кричащем человеке [БСРНС, с. 383]. **Лаять (облаять кого) как [цепная] собака.** *Брян., Вят., Пск. Неодобр.* О громко говорящем, ругающемся человеке. [БСРНС, с. 631].

В ряде КФЕ с образами животного мира основание сравнения представлено глаголами *вопить*, *кричать* и их производными, звукоизобразительная внутренняя форма которых, в том числе связь со звуками животного мира, просматривается на этимологическом уровне [Фасмер, т. 1, с. 349; Фасмер, т. 2, с. 377; Шляхова, 2004, с. 71, 114], но не всегда осознается современными носителями языка: **Кричать как петун.** *Селигер.* О громко, рассерженно кричащем человеке [БСРНС, с. 496]. **Раскричаться как чайка.** *Брян. Неодобр.* Об очень громко, сварливо раскричавшейся женщине [БСРНС, с. 735]. **Вопить как собака.** *Арх. Неодобр.* О громко ругающемся человеке. [БСРНС, с. 629]. В актах образования таких КФЕ можно увидеть взаимодействие зооморфных и антропоморфных тенденций. Первые реализуются в ассоциативных связях голосовых проявлений человека (*кричать*, *вопить*), с голосами животных, но, с другой стороны, и животные в определенной степени наделяются человеческими чертами — они мыслятся как кричащие, вопящие существа одного с человеком порядка по акустическим параметрам голоса, что и допускает сравнение. И крайним случаем их фразеологического очеловечивания являются звукоизобразительные КФЕ: **Орать как человек.** *Том.* О громком, пронзительном, похожем на человеческий голосе лебедя. **Реветь как человек.** *Печор.* О крике филина, похожем на человеческий [БСРНС, с. 738].

Помимо ассоциативных механизмов переноса *Природа ↔ Человек* в образовании КФЕ, репрезентирующих громкую речь в негативно-оценочном ключе, реализуются и мотивировочные признаки, не выходящие за пределы социосферы. Если для большинства рассмотренных выше КФЕ может быть предложена структурно-семантическая модель «*Звукоизобразительный глагол + как (кто) + наименование животного, издающего громкие голосовые звуки = очень громко говорить, кричать*», то перенос *Человек ← Человек* реализуется в нескольких моделях сравнения, где эта-лоном громкой речи становятся акты речевого поведения человека:

«*Звукоизобразительный глагол + как (кто) + наименование человека по профессии = очень громко говорить, кричать*»: **Кричать как грузчики.** *Прост. Неодобр.* О громко и грубо выкрикивающих что-л. людях [БСРНС, с. 154]. **Кричать словно балаганщик на ярмарке.** *Прост.* О громко, призывно кричащем человеке. < **Балаганщик** — балаганный комедиант [БСРНС, с. 30].

Звукоизобразительный глагол + как (кто) + наименование человека в определенном физическом, психическом состоянии = очень громко говорить, кричать»: **Кричать (орать) как пьяный. Неодобр.** О громко, бессмысленно и неприятно кричащем или поющем человеке. **Кричать (орать) как сумасшедший. Неодобр.** О чем-л. громком, истошном крике [БСРНС, с. 557, 667].

Звукоизобразительный глагол + как (где) + наименование природного пространства, помещения = очень громко говорить, кричать»: **Кричать (орать) как в лесу. Неодобр.** О громких криках, восклицаниях кого-л. [БСРНС, с. 343]. **Гамить ровно в кабаке. Яросл.** Очень громко разговаривать. < **Гамить** — кричать, громко разговаривать, галдеть [СРНГ, т. 6, с. 131].

Звукоизобразительный глагол + как (на кого) + наименование объекта речевого воздействия = очень громко говорить, кричать»: **накричать (наорать) как на мальчишку. Неодобр.** О грубых и громких окриках в адрес кого-либо, совершившего ошибку, оплошность [БСРНС, с. 373]. **Кричать как на вола. Прост.** О чём-либо грубом и громком окрике в адрес кого-л. медлительного и покорного [БСРНС, с. 108].

Другие акустические характеристики речи представлены незначительным количеством образных компаративных оборотов, но все они также сопровождаются в словарях пометами *Ирон., Неодобр., Презр.*, а эталоны сравнения в этих случаях найдены народным сознанием исключительно в животном мире. Так, резко отрицательно воспринимаются высокие частоты пронзительной речи, о чем свидетельствуют сравнения, зафиксированные в народных говорах: *кичикать* (то есть пронзительно кричать) *как чайки, кричать как чирьюшка* (то есть дикая утка, самка чирка) — ‘говорить, кричать визгливым, писклявым голосом’ [БСРНС, с. 735, 748]. Высокий тон даже при относительно негромком звучании речи неприятен слушающему: в таких случаях употребление по отношению к человеку звукоподражательного глагола *пищать*, построенного на имитации звука, издаваемого детенышем животного или птенцом [Шляхова, 2004, с. 121], подкрепляется в народной речи сравнением с *комаром, цыпленком, птенчиком, мышью, зайцем, котенком*.

Что касается темпа речи, то КФЕ дают однозначную негативную оценку высокой скорости говорения. Здесь образный стержень *сорока* по фразеомообразовательной активности намного превосходят упоминавшиеся выше эталоны сравнения *ворона* и *курица*. Выступающие в роли основания сравнений звукоподражательные глаголы *болтать* и *трещать* этимологически не связаны с орнитосферой [Фасмер, т. 1, с. 190; Фасмер, т. 4, с. 99]: *болтать / разболтаться как сорока; трещать как сорока* [БСРНС, с. 646]. Реализации глагольных компонентов такого типа уже были показаны на материале оборотов со значением ‘говорить очень громко’. При-

меры метафоризации глаголов-звукоподражаний, построенных на имитации голосов птиц, также рассмотренные выше, дополним примерами тематической сферы «Темп речи»: **Цокотать как сорока.** Кубан. Неодобр. О быстро говорящей, тараторящей, болтающей женщине. **Шекотать как сорока.** Смол. Ирон. Быстро говорить, тараторить (о женщине). **Стреко-тать как сорока.** Прост. Ирон. О быстро, часто и непрерывно говорящей, тараторящей женщине [БСРНС, с. 646]. А многоступенчатый и разнонаправленный ассоциативный механизм звукоизобразительной метафоризации проиллюстрируем вятским сравнением *ерготать как две сороки*. В «Словаре русских народных говоров» глагол *ерготать*, в основе которого — метафорическая звукоимитация, зафиксирован в исходном значении ‘ржать’ (*Ергочут кони*). Следующий этап метафоризации — перенос в сферу человеческой речи: ‘говорить быстро и громко’ (*Нечего делатъ-то, дак только ергочите*) [СРНГ, т. 8, с. 367]. И ассоциации внутри зоофоносферы (*ржание лошади* → *голос сороки*) поддерживают выбор эталона сравнения при фразеомообразовании: *ерготать как две сороки*.

Таким образом, на материале КФЕ со звукоизобразительным основанием сравнения мы выявили акустические параметры речи, наиболее значимые для слушающего, отметили антинормы звучания и особенности их фразеологической интерпретации с обращением, как правило, к образам животного мира. Ниже представим наши варианты словарной репрезентации выявленных фоносемантических, этимологических, аксиологических параметров КФЕ.

3.2. Звукоизобразительные КФЕ в современных лексикографико-графических форматах

Образные стержни КФЕ, представляющие собой эталоны сравнения, обычно становятся исходным пунктом лексикографического описания этого материала в одноязычных словарях тезаурусного типа или двуязычных сопоставительных словарях [Mokienko, 2021, с. 101—103].

В соответствии с алфавитно-гнездовым принципом расположения КФЕ в «Большом словаре народных сравнений» [БСРНС] под заголовком макростатьи — образным стержнем собраны все обороты с его реализацией. Это позволяет показать полный спектр ассоциаций, запускающих механизм фразеомообразования с каждым эталоном сравнения, выявить его роль в образной концептуализации окружающего мира и отдельных его сфер.

Самым частотным анималистическим компонентом КФЕ, по данным словаря «Большого словаря русских народных сравнений» [БСРНС, с. 628—637], является зоолексема *собака*. Макростатья с этим заголовком содержит 360 оборотов, 15 % из которых (56 КФЕ) отражают акустическую сторону речи, негативно оценивая ее параметры: чрезмерную продолжительность,

высокий темп — *бrehать как собака*, язык у кого *вьётся как у собаки хвост* и др.; повышенную громкость — *взгавкаться как собака*, *вопить как собака*, *лаять как цепная собака*, *рычать как собака* и т. п.; негромкое звучание низкого, хриплого голоса — *ворчать как собака*, *гырчать как собака на худую кость*, *квокать как злая собака*, *фырчать как собака*. Таким образом, безотносительно к содержанию высказываний оценивается и эмотивно-прагматическая сторона речи говорящего как злобного, агрессивного человека — эти черты наряду с положительными качествами приписываются символическому образу собаки в русской лингвокультуре.

«Голосовой портрет» кошки, представленный 13 образными сравнениями (8 % от 143 КФЕ, описанных в словаре), не столь однозначен. Неприятные высокие звуки ее голоса послужили мотивировочным признаком при образовании следующих оборотов народной речи: **Вякать (вячить) как кошка**. *Пск. Неодобр.* Об истошно, пронзительно вопящем человеке. **Будто кошке на хвост наступили**. *Шутл.-ирон.* О чьем-л. истошном, визгливом голосе [БСРНС, с. 303, 305]. Как неодобрительно коннотированные квалифицируются в словаре и КФЕ *фыркать (фырчать) как кошка* — ‘о брюзжащем, ворчащем человеке’, *шипеть как [разъярённая] кошка* ‘о злобном, рассерженном человеке, с тихим, но угрожающим голосом’ [БСРНС, с. 305]. А шутливые сравнения *бачить как кошка* (*бачить* — диал. ‘баюкать, убаюкивать’), *мурлыкать как кошка*, *урчать как кошка* передают впечатления от негромкой, приятной на слух, мелодичной речи удовлетворенного чем-л. человека [БСРНС, с. 303, 304, 305].

В дополнение к приведенной статистической информации отметим, что третьим по фразеомобразовательной активности в сфере «Звучащая речь: акустические характеристики» является образный стержень *ворона* (12 КФЕ) и далее: *корова* — 11 КФЕ; *медведь* — 7; *волк* — 6; *курица* — 6; *муха* — 5; *бык* — 4; *воробей* — 3; *гусь* — 3; *кобыла* — 3; *петух* — 3; *соловей* — 3; *баран* — 2; *ворон* — 2; *галка* — 2; *козел* — 2; *мышь* — 2; *заяц* — 1; *индюшка* — 1; *коза* — 1; *крыса* — 1; *лошадь* — 1; *пырень* (диал. ‘индюк’) — 1.

Структура макростатьи позволяет наряду с традиционной эмотивно-оценочной и ареальной характеристикой (стилистические и географические пометы) и толкованием оборота семантизировать диалектизмы (1), показывать межъязыковые параллели (2), раскрывать внутреннюю форму оборота в культурно-историческом комментарии (3):

Бормотать как пырень. *Влад. Неодобр.* О невнятно, бессвязно и громко бормочащем что-л. человеке. < *Пырень* — индюк [БСРНС, с. 556].

Волком (как волк) выть (взвыть). *Разг. Неодобр.* О чьих-л. горьких, отчаянных жалобах на крайне бедственное положение. < Сравнение известно многим языкам. Ср. чеш. *výt jako vlk*. [БСРНС, с. 111].

Брехать как собака в Пасху. *Устар. Прост. Неодобр.* Накликать беду. < *Брехать* — лаять. Связано с приметой: если собака во время пасхальной утрени лает на восток, это к пожару, а если на запад — к несчастью [БСРНС, с. 629].

В формате учебного словаря фоносемантические свойства и лингвокультурологический потенциал КФЕ раскрываются с учетом фактора адресата — его возрастных особенностей, уровня владения русским языком, широты культурологического кругозора. При такой лингводидактической установке реализовать принцип научной достоверности позволяет жанр словаря в рассказах, где материал предьявляется в занимательной форме с элементами интерактива.

Так, в подготовленном нами к печати словаре устойчивых сравнений для младших школьников юные читатели становятся исследователями процесса фразеомобразования, в том числе базирующегося на звукоизобразительности, как, например, в следующей словарной статье, которая приводится с небольшими комментариями в скобках.

Трещать (стрекотать) как сорока. О быстро, непрерывно говорящей, тараторящей женщине. *Употребляется в разговорной речи. Говорится шуточно или неодобрительно.*

Чтобы разобраться с происхождением устойчивого сравнения *трещать как сорока*, мы с тобой посетим «Летние фразеологические посиделки». Их по давней традиции проводит на своей даче известный учёный-фразеолог Валерий Михайлович Мокиенко. Частые гости на таких посиделках — соседские ребята, которые на всё лето приезжают в Семиозерье из Санкт-Петербурга.

Сегодня выдался прохладный вечер. Побрасывая дрова в камин, Валерий Михайлович спрашивает ребят, какие звуки они слышат.

— Треск, — выкрикивает третъёкклассник Вова, который во всем старается опередить друзей.

— Да, сухие дрова горят с треском. А кто может звуками изобразить этот треск? Давайте еще раз послушаем. (Здесь читателю предлагается отсканировать QR-код и, перейдя по ссылке, послушать, как трещат горящие сухие дрова).

— Вроде что-то похожее на «трр-трр»..., — второклассница Аня пытается голосом передать потрескивание дров.

— Совершенно верно, — одобрительно кивает Валерий Михайлович. — Эти звуки мы слышим и в словах *треск*, *трещать*. Такие слова построены на имитации — подражании звукам окружающего мира. Вот посмотрите, как этот прием использует Александр Сергеевич Пушкин.

В стихотворении «Зимний вечер» он добивается удивительного эффекта: подбирает слова со звуками «т», «р» и, конечно, однокоренные *треск*, *трещать*, а мы будто бы слышим, как трещат дрова в печи:

«Вся комната янтарным блеском Озарена. Веселым треском Трещит затопленная печь...»

— И правда, как будто треск слышен, — соглашается Вова. — Какие интересные эти «подражательные» слова!

Тут Вова почти угадал. Ученые так и называют эти слова — звукоподражательными. Они обогащают словарный состав любого языка.

— Но ведь трещат не только дрова в печи, — пятиклассник Матвей любит поспорить при любом удобном случае. — Вот спички тоже трещат в коробке, если ее потрясти.

— Ну, со спичками мы играть не будем, да и появились эти коробочки позже, чем слово *трещать*. А вот природных примеров треска, которые и имитирует наш язык — огромное количество. Треском называют громкий, частый, отрывистый стук. Трещат разные предметы, когда их ломают, сильно сдавливают. Давайте выйдем в лес, — предлагает Валерий Михайлович, — думаю, там мы услышим много примеров треска.

Как только ребята вышли в лес, который начинается прямо за домом профессора Мокиенко, у них под ногами затрещали сухие ветки: «трр-трр». (Читателю снова предлагается отсканировать QR-код и послушать звуки треска сухих веток).

Вдруг откуда ни возьмись налетели птицы: «Тр-тр-тр-р...»... (Очередное обращение к QR-коду позволяет читателю послушать голос сороки).

— Это сороки-белобоки, — первой догадалась шестилетняя Машенька. — Любой дошкольник знает, что сороку можно узнать по звукам «тр-тр». Сорока **стрекочет** и **трещит**. Этому в детском саду учат. Я и стишок знаю:

«Трещала с самого утра:

По-р-ра! Пор-р-ра!

А что — пора?

Такая с ней морока,

Когда **трещит** сорока...

Не поет она — **стрекочет**,

Обратить внимание хочет»...

— Да, певуньей сороку назвать нельзя, — подтверждает Валерий Михайлович. — А русская пословица говорит, что сорока без причины не стрекочет. Своим громким треском она обычно подает другим птицам сигнал об опасности, как, например, сейчас. А так как сорока быстро перелетает с места на место, эти стрекочущие звуки быстро разносятся по лесу.

Вернувшись в дом, ребята долго смотрели интересные видео о сороках (снова дается QR-код), пили чай, подбрасывали дрова в камин, а сороки все трещали и трещали.

— Я, кажется, понял, почему про нашу соседку бабу Ньюшу говорят, что она трещит как сорока, — сказал Вова.

— И я поняла, — подключилась к разговору Аня. — Баба Ньюша с утра до вечера ходит по соседям и рассказывает дачные новости, а говорит она быстро, громко.

— Я бы сказал, не говорит, а трещит, — добавил Матвей.

— Ребята, вы абсолютно верно рассуждаете. Действительно, быстрая речь такой женщины, которая без умолку тараторит, мешая окружающим, напоминает стрекотание сороки. Так в народе и появилось наше сегодняшнее устойчивое сравнение, — сделал вывод Валерий Михайлович.

<...>

Статья такого дискурсивного словаря обеспечивает комплексное освоение КФЕ ребенком: рубрика «Литературная страничка» предлагает понаблюдать за функционированием фразеологизма в художественном тексте, «Речевая лаборатория» включает задания на употребление оборота в различных актуальных для школьника ситуациях. На материале КФЕ развиваются творческие способности: ребенок иллюстрирует фразеологический образ (рубрика «Веселые картинки»), иницируется физическая активность — образы фразеологизмов актуализируются в подвижных играх («Физкультминутка»). Эти рубрики завершают словарную статью.

Звукоизобразительные КФЕ (*трещать как сорока, жужжать как пчела, рычать как лев, шипеть как змея, чирикать как воробей*) становятся материалом и для логопедической работы с ребенком (звуки [р], [с], [з], [ж], [ч], [ш] и др.). При необходимости коррекции артикуляционных навыков, воспользовавшись QR-кодом (рис. 1) в рубрике «Звуковая дорожка», ребенок выполнит с профессиональным логопедом соответствующие упражнения, например, при ознакомлении со словарной статьей «Трещать (стрекотать) как сорока» выполнит артикуляционную гимнастику, подводящую к корректному произношению звука [р]:

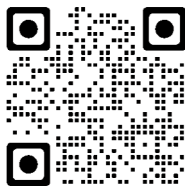

Рис. 1. QR-код для перехода к артикуляционной гимнастике

4. Заключение = Conclusions

Итак, в ходе исследования были выявлены мотивационные модели звукоизобразительных фразеологизмов тематической сферы «Звучание речи». Все компаративные фразеологизмы данной сферы, отражающие акустически параметры речи, оказались аксиологически маркированными, в большинстве своем негативно оценивающими громкую речь, быстрый темп говорения и высокий тон звучания. Во всех трех случаях фразеомобразовательные звуковые ассоциации восходят к орнитосфере и голосам млекопитающих — домашних или диких животных, и лишь в небольшом количестве случаев перенос осуществляется по модели Человек ← человек. Звукоизобразительный эффект КФЕ достигается не только за счет отсылки к эталонному источнику звука, отраженному, как правило, зоолексемой — образным стержнем сравнения, но и звукоподражательным характером глагола — основания сравнения, в том числе с затемненной внутренней формой.

Оптимальным лексикографическим форматом для раскрытия фразеомобразовательного потенциала образных стержней КФЕ является словарь тезаурусного типа с алфавитно-гнездовой систематизацией материала. Этот принцип организации словника в «Большом словаре народных сравнений» позволил выявить наиболее продуктивные в плане звукоизобразительного фразеомобразования эталоны сравнения (*собака, кошка, ворона*) и аксиологический спектр фразеологической реализации.

В сфере учебной лексикографии доказана целесообразность использования жанра словаря в рассказах, позволяющего в доступной для обучающихся занимательной форме представить выявленные в ходе комплексного лингвистического анализа фоносемантические, этимологические, оценочные параметры компаративных фразеологизмов.

В качестве перспективы исследования намечены выявление и лексикографическая разработка этих параметров у других типов звукоизобразительных ФЕ.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БСРНС — Мокиенко В. М. Большой словарь народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 800 с. — ISBN 978-5-373-01351-2.
2. БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.

3. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин. — Ленинград : Наука ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—2016. — Выпуск 1—49.

4. Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. 1—4.

Литература

1. *Алиева С. А.* Русские и кумыкские фразеологизмы со звукоподражательным компонентом как проявление метафоризации ономастов / С. А. Алиева // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1—1. — С. 1193.

2. *Аскари А. С.* О разграничении звукоимовизма и звукоподражания / А. С. Аскари // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1 : Филология. — 2019. — № 3 (100). — С. 7—14.

3. *Баженов Н. Ю.* Структурно-семантическая классификация фразеологических единиц поля “Речь” в русских говорах (на материале СРНГ) / Н. Ю. Баженов // Лексический атлас русских народных говоров : Материалы и исследования. — 2020. — № 14. — С. 31—43.

4. *Желтов А. Ю.* Между субморфами и фоносемантикой : к типологии внеморфемных знаков / А. Ю. Желтов, Е. В. Желтова // Индоевропейское языкознание и классическая филология. — 2022. — № 26—1. — С. 437—464. — DOI: 10.30842/ielcp230690152629.

5. *Мамытова А. К.* Роль звуковых средств в звуковой картине мира / А. К. Мамытова // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. — 2019. — № 10. — С. 232—236. — DOI: 10.26104/NNTIK.2019.45.557.

6. *Маринченко И. А.* Стилистические приемы использования звукоподражаний в детской художественной прозе / И. А. Маринченко, Е. В. Васильева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — № 2. — С. 113—117. — DOI: 10.30853/filnauki.2020.2.21.

7. *Мокиенко В. М.* Диалектный словарь как лингвоаксиологический источник / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — 2021. — Т. 3. — № 17. — С. 43—66. — DOI: 10.30842/alp230657371734366.

8. *Мокиенко В. М.* К концепции полного словаря народной фразеологии: проблемы макроструктурирования / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Вопросы лексикографии. — 2018. — № 4. — С. 80—106. — DOI: 10.17223/22274200/14/5.

9. *Мокиенко В. М.* Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Вопросы лексикографии. — 2022. — № 25. — С. 81—107. — DOI: 10.17223/22274200/25/4.

10. *Никитина Т. Г.* Инновационный лексикографический дискурс в жанре детектива : возможности учебной репрезентации фразеологизма / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва // Русистика. — 2022. — Т. 20. — № 2. — С. 247—262. — DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-247-262.

11. *Никитина Т. Г.* Современная учебная фразеогрфия : инновационные параметры бумажного словаря / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва // Вопросы лексикографии. — 2021a. — № 20. — С. 67—90. — DOI: 10.17223/22274200/20/4.

12. *Никитина Т. Г.* Учебное пособие по фразеологии как средство формирования лингвострановедческой компетенции иностранных студентов / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва // Society. Integration. Education. Proceedings of annual international scientific

Conference. May 27nd—28rd, 2016. — Rēzekne : Rēzeknes Augstskola, 2016. — Vol. 1. — С. 188—199. — DOI: 10.17770/sie2016vol1.1489.

13. Никитина Т. Г. Фразеологический словарь в школе и дома : какой выбрать и как использовать / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва // Русский язык в школе. — 2021б. — Т. 82. — № 5. — С. 26—36. — DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-26-36.

14. Флакман М. А. Словарь английской звукообразительной лексики в диахроническом освещении / М. А. Флакман. — Санкт-Петербург : Институт Иностранных языков ; РХГА, 2016. — 201 с. — ISBN 978-5-88812-801-5.

15. Фоносемантика : Опыт междисциплинарного исследования. Монография / М. А. Флакман, Л. О. Ткачева, Ю. Г. Седёлкина, Ю. В. Лавицкая и др. — Москва : Мир науки, 2022. — 229 с. — ISBN 978-5-907603-68-4.

16. Чибышева О. А. Лингвокультурные особенности концепта SOUND / ЗВУК : объективация микроконцепта «Sounds caused by human activity / Антропогенные звуки» на материале английских фразеологизмов / О. А. Чибышева, Н. В. Осадчук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14. — Выпуск 12. — С. 3898—3903. — DOI: 10.30853/phil20210643.

17. Шляхова С. С. Дребезги языка. Словарь русских фоносемантических аномалий / С. С. Шляхова. — Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 2004. — 226 с. — ISBN 5-85218-210-9.

18. Шляхова С. С. Фоносемантическая звуковая картина мира / С. С. Шляхова, М. Г. Вершинина. — Пермь : Пермский политехнический университет, 2016. — 424 с. — ISBN 978-5-398-01648-2.

19. Aryani A. Affective Congruence between Sound and Meaning of Words Facilitates Semantic Decision [Electronic resource] / A. Aryani, A. M. Jacobs // Behavioral Sciences. — 2018. — № 8 (6) : 56. — Access mode : <https://www.mdpi.com/2076-328X/8/6/56/> DOI: 10.3390/bs8060056 (accessed 15.03.2023).

20. Asano M. Sound symbolism scaffolds language development in preverbal infants / M. Asano, M. Imai, S. Kita, K. Kitajo, H. Okada, G. Thierry // Cortex. — 2015. — № 63. — Pp. 196—205. — DOI: 10.1016/j.cortex.2014.08.025.

21. Bankieris K. What is the link between synaesthesia and sound symbolism? / K. Bankieris, J. Simner // Cognition. — 2015. — № 136. — Pp. 186—195. — DOI: 10.1016/j.cognition.2014.11.013.

22. Flaksman M. A. Onomatopoeia and regular sound changes / M. A. Flaksman // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. — 2022. — Т. 15. — № 10. — С. 1508—1515. — DOI: 10.17516/1997-1370-0351.

23. Lockwood G. Sound-symbolism boosts novel word learning / G. Lockwood, M. Dingemanse, P. Hagoort // Journal of Experimental Psychology : Learning, Memory and Cognition. — 2016. — № 42 (8). — Pp. 1274—1281. — DOI: 10.1037/xlm0000235.

24. Mokienko V. M. The Axiological Portrait of Quality and its Standard (Based on Comparative Phraseography) / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. — 2021. — № 66. — Vol. 1. — Pp. 101—114. — DOI: 10.1556/060.2021.00009.

25. Sidhu D. M. Effects of iconicity in lexical decision / D. M. Sidhu, G. Vigliocco, P. M. Pexman // Language and cognition. — 2020. — № 12 (1). — Pp. 164—181. — DOI: <https://doi.org/10.1017/langcog.2019.36>.

26. Zheltova E. V. “Motivated signs” : some thoughts on phonosemantics and submorpheme theory in the context of Democritus’ and Epicurus’ traditions / E. V. Zheltova, A. Ju. Zheltov // Hyperboreus. Studia Classica. — 2019. — Vol. 25. — № 2. — Pp. 354—365.

Статья поступила в редакцию 13.04.2023,
одобрена после рецензирования 10.05.2023,
подготовлена к публикации 20.05.2023.

Material resources

- BSRNS — Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2008). *Big dictionary of folk comparisons*. Moscow: OLMA Media Group. 800 p. ISBN 978-5-373-01351-2. (In Russ.).
- BTS — *A large explanatory dictionary of the Russian language*. (1998). St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).
- Fasmer — Fasmer, M. (1986—1987). *Etymological dictionary of the Russian language*, 1—4. 2nd ed. Moscow: Progress. (In Russ.).
- SRNG — *Dictionary of Russian folk dialects*, 1—49. (1965—2016). Leningrad: Nauka; Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).

References

- Alieva, S. A. (2015). Russian and Kumyk phraseological units with onomatopoeic component as a manifestation of metaphorization of onomatopes. *Modern problems of science and education*, 1—1: P. 1193. (In Russ.).
- Aryani, A., Jacobs, A. M. (2018). Affective Congruence between Sound and Meaning of Words Facilitates Semantic Decision. *Behavioral Sciences*, 8 (6): 56. Available at: <https://www.mdpi.com/2076-328X/8/6/56>/ DOI: 10.3390/bs8060056 (accessed 15.03.2023).
- Asano, M., Imai, M., Kita, S., Kitajo, K., Okada, H., Thierry, G. (2015). Sound symbolism scaffolds language development in preverbal infants. *Cortex*, 63: 196—205. DOI: 10.1016/j.cortex.2014.08.025.
- Askari, A. S. (2019). On the differentiation of sound symbolism and onomatopoeia. *Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Series 1: Philology*, 3 (100): 7—14. (In Russ.).
- Bankieris, K., Simner, J. (2015). What is the link between synaesthesia and sound symbolism? *Cognition*, 136: 186—195. DOI: 10.1016/j.cognition.2014.11.013.
- Bazhenov, N. Yu. (2020). Structural and semantic classification of phraseological units of the field “Speech” in Russian dialects (based on the SRNG material). *Lexical atlas of Russian vernacular dialects: Materials and research*, 14: 31—43. (In Russ.).
- Chibysheva, O. A., Osadchuk, N. V. (2021). Linguocultural features of the SOUND concept / SOUND: objectification of the microconcept “Sounds caused by human activity / Anthropogenic sounds” on the material of English phraseological units. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 14 (12): 3898—3903. DOI: 10.30853/phil20210643. (In Russ.).
- Flaksman, M. A. (2022). Onomatopoeia and regular sound changes. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 15 (10): 1508—1515. DOI: 10.17516/1997-1370-0351.
- Flaxman, M. A. (2016). *Dictionary of English sound-imaginative vocabulary in diachronic lighting*. Saint Petersburg: Institute of Foreign Languages; Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 201 p. ISBN 978-5-88812-801-5. (In Russ.).
- Lockwood, G., Dingemanse, M., Hagoort, P. (2016). Sound-symbolism boosts novel word learning. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 42 (8): 1274—1281. DOI: 10.1037/xlm0000235.
- Mamytova, A. K. (2019). The role of sound media in the sound picture of the world. *Science, new technologies and innovations of Kyrgyzstan*, 10: 232—236. DOI: 10.26104/NNTIK.2019.45.557. (In Russ.).

- Marinchenko, I. A., Vasilyeva, E. V. (2020). Stylistic techniques of using onomatopoeia in children's fiction. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 13 (2): 113—117. DOI: 10.30853/filnauki.2020.2.21. (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2022). Axiology of neophrasemes and phraseotransformations in lexicographic interpretation. *Questions of lexicography*, 25: 81—107. DOI: 10.17223/22274200/25/4. (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2021). Dialect dictionary as a linguo-axiological source. *Acta Linguistica Metropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 3 (17): 43—66. DOI: 10.30842/alp230657371734366. (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2021). The Axiological Portrait of Quality and its Standard (Based on Comparative Phraseography). *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 66 (1): 101—114. DOI: 10.1556/060.2021.00009.
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2018). To the concept of a complete dictionary of folk phraseology: problems of macrostructuring. *Questions of Lexicography*, 4: 80—106. DOI: 10.17223/22274200/14/5. (In Russ.).
- Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2022). Innovative lexicographic discourse in the detective genre: possibilities of educational representation of phraseology. *Rusistika*, 20 (2): 247—262. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-247-262. (In Russ.).
- Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2021-a). Modern educational phraseography: innovative parameters of a paper dictionary. *Questions of lexicography*, 20: 67—90. DOI: 10.17223/22274200/20/4. (In Russ.).
- Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2021-b). Phraseological dictionary at school and at home: which to choose and how to use. *Russian language at school*, 82 (5): 26—36. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-26-36. (In Russ.).
- Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2016). *Textbook on phraseology as a means of forming linguistic and cultural competence of foreign students. Society. Integration. Education. Proceedings of annual international scientific Conference. May 27—28d, 1. Rēzekne: Rēzeknes Augstskola*. 188—199. DOI: 10.17770/sie2016vol1.1489. (In Russ.).
- Phonosemantics: The experience of interdisciplinary research. Monograph*. (2022). Moscow: Mir nauki. 229 p. ISBN 978-5-907603-68-4. (In Russ.).
- Shlyakhova, S. S., Vershinina, M. G. (2016). *Phonosemantic sound picture of the world*. Perm: Perm Polytechnic University. 424 p. ISBN 978-5-398-01648-2. (In Russ.).
- Shlyakhova, S. S. (2004). *The Drebezgi of the language. Dictionary of Russian Phonosemantic anomalies*. Perm: Perm State Pedagogical University. 226 p. ISBN 5-85218-210-9. (In Russ.).
- Sidhu, D. M., Vigliocco, G., Pexman, P. M. (2020). Effects of iconicity in lexical decision. *Language and cognition*, 12 (1): 164—181. DOI: <https://doi.org/10.1017/langcog.2019.36>.
- Zhelto, A. Yu., Zheltova, E. A. (2022). Between submorphs and phonosemantics: towards the typology of extra-morphemic signs. *Indo-European linguistics and Classical philology*, 26—1: 437—464. DOI: 10.30842/ielp230690152629. (In Russ.).
- Zhelto, E. V., Zheltov, A. Ju. (2019). “Motivated signs”: some thoughts on phonosemantics and submorpheme theory in the context of Democritus’ and Epicurus’ traditions. *Hyperboreus. Studia Classica*, 25 (2): 354—365.

*The article was submitted 13.04.2023;
approved after reviewing 10.05.2023;
accepted for publication 20.05.2023.*